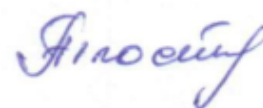

На правах рукописи

Тлостнаков Аскер Асланович

**СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВАХ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Специальность: 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

Ростов-на-Дону – 2018

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Научный руководитель: доктор политических наук, доцент
Поцелуев Сергей Петрович

Официальные оппоненты: **Петрова Светлана Владиславовна,**
доктор политических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Сочинский государственный
университет», кафедра теории и истории
государства и права, заведующая кафедрой

Скиперских Александр Владимирович,
доктор политических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Национальный
исследовательский университет "Высшая
школа экономики"» (г. Пермь), кафедра
гуманитарных дисциплин, профессор

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»**

Защита состоится «13» декабря 2018 г. в 12:00 на заседании диссертационного совета Д 212. 208.31 при ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Зональной научной библиотеки им. Ю.А. Жданова при ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (344103, г. Ростов-на-Дону, ул. Зорге, д. 21 Ж) и на сайте: <http://hub.sfedu.ru/diss/announcements/council/10/>.

Автореферат разослан « _____ » _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Константинов Михаил Сергеевич

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы исследования. Процесс деколонизации, в результате которого количество государств, входящих в Организацию объединённых наций, увеличилось с 50 членов (в 1945 г.) до 193 (в 2011 г.) отразил изменения международной системы от евроцентричной к более универсальной. Распад Организации Варшавского договора и трансформация постсоветского пространства также имели следствием появление новой группы государств, претендующих на полноправное членство в международной системе. Резкий рост числа государств, получивших признание во второй половине XX века, вызвал цепную реакцию этнических самоопределений, сепаратистских конфликтов и войн. Особую актуальность эти проблемы имеют для постсоветских стран, государственность которых до сих пор не обрела завершённых форм, что обуславливает высокую интенсивность сепаратистских настроений этнополитических групп и сегментов постсоветских обществ, сложности легитимации политической власти в новообразованных государствах.

При этом, несмотря на огромное количество научной и публицистической литературы, посвящённой проблемам образования и упрочения новых государств, их статуса в международной системе, признания со стороны других государств, равно как и внутривнутриполитической легитимации власти в этих государствах, перечисленные проблемы не получили ещё должного теоретико-методологического разрешения. Излишняя идеологизация процедур признания государств международным сообществом привела к тому, что до сих пор в качестве основы признания выступает определение суверенного государства, сформулированное в Конвенции Монтевидео «О правах и обязанностях государств» (принята 26 декабря 1933 г.), несмотря на то, что это определение многими исследователями признаётся устаревшим и не соответствующим современным реалиям международной политики. В частности, следствием

применения на практике указанной Конвенции стало то, что международным сообществом были признаны целый ряд деколонизированных стран, государства которых сегодня считаются «несостоятельными» (“failed state”, “fragile state” и т. п.), в то время как было отказано в признании государствам, весьма эффективно выполняющим возложенные на них функции, но в силу идеологизированности международной политики признания считающимися «неполноценными» государствами де-факто.

Актуальность изучению проблемы де-факто государств придаёт также отсутствие единого подхода к исследованию данного феномена, о чём свидетельствует многообразие категориально-понятийного аппарата, обозначающего (описывающего) указанное политическое образование. На сегодняшний день существует более десятка терминов, в которых исследователи пытаются «схватить» изучаемый феномен, однако большинство из этих терминов либо сильно идеологизированы («сепаратистское государство», «спорное государство», «отошедшая территория» и т. д.), либо представляют данный феномен в прокрустовом ложе нормативного подхода¹ к определению некоего «эталонного» понятия государства, фиксируя посредством добавления приставок «квази-», «псевдо-» и «государственно-подобное-» некую «неполноценность» рассматриваемого феномена по отношению к «эталону» и утрачивая тем самым собственную специфику функционирования де-факто государства. Это делает необходимой разработку идеологически нейтрального подхода к изучению феномена де-факто государств, который будет сфокусирован на проблемной специфике их функционирования, а не на их отклонениях от нормативных стандартов абстрактного «государства вообще».

Особую актуальность теме диссертации придает тот факт, что наиболее ярко проблематика де-факто государств проявилась на пространстве бывшего Советского Союза на рубеже XX–XXI вв., когда чередой внутривосточных

¹ См., например: Макаренко В.П. Государство и политический реализм: пути когнитивного сопротивления // Космополис. – 2006. – № 1(15). – С. 44–62.

конфликтов и расколов в постсоветских странах привела к возникновению отколовшихся от них и провозгласивших собственный суверенитет политических новообразований, таких как Приднестровская Молдавская Республика, Нагорно-Карабахская Республика, Республика Абхазия и Республика Южная Осетия, так и не получивших полноценного международного признания, несмотря на фактические успехи в государственном строительстве. Решение проблем этих республик имеет не только теоретическое значение, но и весьма практическое. Как показывают исследования, сам факт отсутствия международного признания политических новообразований не просто создает сложности с легитимацией власти на контролируемых ими территориях, что само по себе имеет следствием сложности в государственном строительстве и не позволяет в достаточной мере упрочить государственные институты, но имеет существенный конфликтогенный (в силу нерешенности конфликтов, в результате которых произошла сецессия) и криминогенный (по причине невозможности построения полноценной экономики в условиях государственной «неполноценности») потенциал. Особое значение это имеет для России, которая имеет в непосредственной близости от своих границ территории, на которых может процветать криминальный бизнес и в любой момент может произойти вооруженный конфликт.

Степень научной разработанности проблемы. Данное диссертационное исследование опирается, прежде всего, на классические исследования феномена непризнанных и частично признанных государств, реализованные в трудах таких зарубежных и отечественных авторов, как К.С. Гаджиев², Б. Коппитерс³, С.З. Лакоба⁴, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, А.Ю. Мельвиль⁵,

² См.: Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: Международные отношения, 2001. – 463 с.

³ См.: Коппитерс Б. Федерализм и конфликт на Кавказе. – М.: Московский Центр Карнеги, 2002. – 54 с.

⁴ См.: Лакоба С.З. Абхазия – де-факто или Грузия – де-юре? О политике России в Абхазии в постсоветский период. – Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2001.

⁵ См.: Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю., Мельвиль А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 26–39; Ильин М.В.

С.М. Маркедонов⁶, А.А. Цуциев⁷, Д. Линч⁸, С. Пегг⁹, Р. Рич¹⁰, Н. Касперсен¹¹, П. Колсто¹², Б. Бартман¹³, В. Колосов, Дж. О'Лохлин¹⁴, Р.Х. Джексон¹⁵, Д. Гельденуйс¹⁶, Й. Спирс¹⁷, П. Кингстон¹⁸, Ч. Кинг¹⁹, Л. Броерс²⁰, Дж. Харви, Дж.Р.В. Стэнсфилд²¹, Т. Хох, К. Рудинкова²² и др.

Пределы государственной состоятельности стран мира // Политическая наука. – 2011. – № 2. – С. 60–74; Мелешкина Е.Ю. Исследования государственной состоятельности: Какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. – 2011. – № 2. – С. 9–27; Мельвиль А.Ю., Стукал Д.К., Миронюк М.Г. Государственная состоятельность, демократия и демократизация (на примере посткоммунистических стран) // Политическая наука. – 2012. – № 4. – С. 83–104.

⁶ См.: Маркедонов С.М. Государства Южного Кавказа в поисках легитимности // Русский журнал. – 11.08.2003. – [Электронный документ]. – URL: <http://old.russ.ru/politics/research/20030811-mark.html>. – Дата обращения: 16.03.2018 г.; Маркедонов С.М. De facto государства постсоветского пространства // Научные тетради Института Восточной Европы. Вып. 1. Непризнанные государства. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 13–27; Маркедонов С.М. Де-факто государства постсоветского пространства: выборы и демократизация // Вестник Евразии. 2008. № 3. – С. 76–98; Маркедонов С.М. Де-факто образования постсоветского пространства: двадцать лет государственного строительства. Аналитические доклады Института Кавказа, № 5, январь 2012. – Ер.: Институт Кавказа, 2012. – 180 с.

⁷ См.: Цуциев А.А. Территории проблемного суверенитета // Научные тетради Института Восточной Европы. Вып. 1. Непризнанные государства. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 28–52.

⁸ См.: Lynch D. Separatist States and Post-Soviet Conflicts // International Affairs. – 2002. – Vol. 78. – No. 4. – Pp. 831–848; Lynch D. Engaging Eurasia's Separatist States: Unresolved Conflicts and De Facto States. – Washington: USIP Press, 2004. – 168 p.

⁹ См.: Pegg S. International Society and the De Facto State. – Ashgate: Aldershot, 1998. – 308 p.

¹⁰ См.: Rich R. Recognition of States: The Collapse of Yugoslavia and the Soviet Union // European Journal of International Law. Vol. 14. No. 1. 2003. – Pp. 36–65.

¹¹ См.: Unrecognized States in the International System / Ed. by Nina Caspersen and Gareth Stansfield. – London & New York: Routledge, 2011. – 261 p.; Caspersen N. Unrecognized States. – Malden: Polity Press, 2012. – 220 p.; Caspersen N. Making Peace with De Facto States // Unrecognized States and Secession in the 21st Century / Ed. by Martin Riegl and Bohumil Doboš. – Cham, Switzerland: Springer, 2017. – Pp. 16–20.

¹² См.: Kolstø P. The Sustainability and Future of Unrecognized Quasi-States // Journal of Peace Research. – 2006. – No. 43(6). – Pp. 723–740.

¹³ См.: Bartmann B. Political realities and legal anomalies: Revisiting the politics of international recognition // De Facto States: The quest for sovereignty / Ed. by Tozun Bahcheli, Barry Bartmann and Henry Srebrnik. – London & New York: Routledge, 2004. – Pp. 12–31.

¹⁴ См.: Kolossov V. A Small State vs a Self-proclaimed Republic: Nation-Building, Territorial Identities and Perspectives of Conflict Resolution (the Case of Moldova-Transnistria) // Bianchini S. (Ed.). From the Adriatic to the Caucasus: The Dynamics of (De)stabilization. – Ravenna: Longo Editore, 2001. – Pp. 87–114; Kolossov V., O'Loughlin J. Pseudo-States as Harbingers of a New Geopolitics: The Example of the Transnistria Moldovan Republic (TMR) // Boundaries, Territory and Post-modernity / Ed. by D. Newman. – London: Frank Cass, 1999. – Pp. 151–176; Kolossov V., O'Loughlin J. After the Wars in the South Caucasus State of Georgia: Economic Insecurities and Migration in the "De Facto" States of Abkhazia and South Ossetia // Eurasian Geography and Economics. – 2011. – Vol. 52. – No. 5. – Pp. 631–654.

¹⁵ См.: Jackson R.H. Quasi-States: Sovereignty, International Relations, and the Third World. – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. – 237 p.

¹⁶ См.: Geldenhuys D. Contested States in World Politics. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2009. – 304 p.

¹⁷ См.: Spears I.S. States-Within-States: An Introduction to Their Empirical Attributes // States-Within-States: Incipient Political Entities in the Post-Cold War Era / Ed. by Paul Kingston and Ian S. Spears. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2004. – Pp. 15–34.

¹⁸ См.: Kingston P. States-Within-States: Historical and Theoretical Perspectives // States-Within-States: Incipient Political Entities in the Post-Cold War Era / Ed. by Paul Kingston and Ian S. Spears. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2004. – Pp. 1–14.

¹⁹ См.: King C. The Benefits of Ethnic War: Understanding Eurasia's Unrecognized States // World Politics. – 2001. – No. 53(4). – Pp. 524–552.

В трактовке легитимности автор диссертации следует реинтерпретированной – с учетом современной критики – концепции М. Вебера²³. Исследование опиралось на такое веберовское понятие, как легитимный порядок и проблема его значимости, уточненное веберовское определение государства, позволяющее связать понятие де-факто государства С. Пегга²⁴ с веберовским понятием легитимного порядка, веберовские дистрикции нормативного порядка и представлений индивида о значимости этого порядка, легальности и легитимности и т. д. Анализ критики веберовской концепции легитимности со стороны Ю. Хабермаса²⁵, В.П. Макаренко, А.В. Лубского²⁶ позволил сформулировать собственное понятие стратегической легитимации политической власти как ориентации власти в процессе самолегитимации на представления индивидов о должном стратегическом развитии государства/страны/общества. Анализ критики со стороны англосаксонской интеллектуальной традиции, и в частности, Д. Битэма²⁷, позволил четче различить уровни легитимности и соответственно легитимации политической власти.

В процессе реинтерпретации веберовской концепции легитимности учитывались также и другие работы зарубежных (Т. Парсонс²⁸, Д. Истон²⁹,

²⁰ См.: Броерс Л. Политика непризнания и демократизация // Броерс Л. (ред.). Пределы возможностей лидеров элиты и общества в нагорно-карабахском мирном процессе. – Лондон: Conciliation Resources, 2005. – С. 70–74.

²¹ См.: Harvey J., Stansfield G.R.V. Theorizing Unrecognized States: Sovereignty, Secessionism, and Political Economy // Caspersen N., Stansfield G. eds. Unrecognized States in the International System. – Abingdon: Routledge, 2011. – Pp. 11–26.

²² См.: Hoch T., Rudincova K. Legitimization of Statehood in De Facto States: A Case Study of Somaliland // Acta Universitatis Carolinae. Geographica. – 2015. – No. 1. – Pp. 37–49.

²³ См.: Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1. Социология. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 445 с.

²⁴ См.: Pegg S. International Society and the De Facto State. – Ashgate: Aldershot, 1998. – 308 p.

²⁵ См.: Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. – Москва: Праксис, 2010. – 264 с.

²⁶ См.: Волков Ю.Г., Лубский А.В., Макаренко В.П., Харитонов ЕМ. Легитимность политической власти (методологические проблемы и российские реалии). – М.: Высшая школа, 1996. – 252 с.; Макаренко В.П. Власть и легитимность // Россия–США: опыт политического развития. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1993; Лубский А.В. Кризис легитимности власти в современной России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. – 1996. – № 4. – С. 42–50.

²⁷ См.: Beetham D. The Legitimation of Power. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1991. – 267 p.

²⁸ См.: Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. – М.: Прогресс, 1972. – С. 360–378.

²⁹ См.: Истон Д. Категории системного анализа политики // Политология: Хрестоматия. / Сост.: проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – С. 319–331.

С. Липсет³⁰, Д. Аптер³¹, П. Бурдьё³², Ч. Миллс³³, Д. Хелд³⁴, Ж.-Л. Кермонн, Ж.-Ш. Шабо³⁵, М. Доган³⁶, Д. Пеласси³⁷, Б. Гилли³⁸ и др.) и отечественных (Т.А. Алексеева³⁹, Р.П. Шпакова⁴⁰, Е.А. Борзунова⁴¹, П.П. Гайдено, Ю.Н. Давыдов⁴², В.Ю. Шпак⁴³, Л.Е. Бляхер, Т.Л. Огурцова⁴⁴, А.А. Керимов⁴⁵, В.В. Подобный⁴⁶, А.В. Глухова, В.С. Рахманин⁴⁷, А.В. Скиперских⁴⁸ и др.) специалистов. В анализе процессов легитимности в де-факто государствах – в их связи с историей, этногенезом, идентичностью, символической (мемориальной) политикой, спецификой элит, геополитическим контекстом –

³⁰ См.: Липсет С.М. Политический человек: социальные основания политики. – М.: Мысль, 2016. – 612 с.

³¹ См.: Apter D.E. Introduction to Political Analysis. – Boston: Winthrop Publishers, 1977. – 558 p.

³² См.: Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской академии наук. – М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. – С. 125–166.

³³ См.: Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. – М.: NOTA BENE, 2001. – 264 с.

³⁴ См.: Хелд Д. Демократия, национальное государство и политическая теория // Современная политическая теория. – М.: NOTA BENE, 2001. – С. 278–331.

³⁵ См.: Кермонн Ж.-Л., Шабо Ж.-Л. Легитимность // Полис. Политические исследования. – 1993. – № 5. – С. 134–143.

³⁶ См.: Доган М. Легитимность режимов и кризис доверия // Социс. Социологические исследования. 1994. № 6. – С. 147–156.

³⁷ См.: Доган М., Пеласси Д. Сравнительная политическая социология. – М.: Соц.-полит. журн., 1994. – 272 с.

³⁸ См.: Gilley V. The Right to Rule. – New York: Columbia University Press, 2009. – 336 p.

³⁹ См.: Алексеева Т.А. Легитимность власти в переходный период // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / Под общ. ред. Т.И. Заславской. – М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, Интерцентр, 1997. – С. 142–148; Алексеева Т.А. Личность и политика в переходный период: проблемы легитимности власти // Вопросы философии. – 1998. – № 7. – С. 58–66.

⁴⁰ См.: Шпакова Р.П. Легитимность и демократия (уроки Вебера) // Полис. Политические исследования. 1994. № 2. – С. 169–174.

⁴¹ См.: Борзунова Е.А. Социологические концепции легитимности власти Т. Парсонса и М. Вебера: сравнительный анализ // Социс. Социологические исследования. – 1997. – № 9. – С. 98–102.

⁴² См.: Гайдено П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность: Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. – М.: Политиздат, 1991. – 367 с.

⁴³ См.: Шпак В.Ю. Легитимность политической власти // Политология. Краткий словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2001. – С. 149–151.

⁴⁴ См.: Бляхер Л.Е., Огурцова Т.Л. Приключения легитимности власти в России, или Воссоздание презумпции виновности // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 3. – С. 53–66.

⁴⁵ См.: Керимов А.А. Легитимность политической власти: проблемы дефиниции и основные теоретические модели // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. – 2015. – Т. 10. – № 1. – С. 81–91.

⁴⁶ См.: Подобный В.В. Факторы делегитимации власти на современной Украине // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2016. – № 1(21). – С. 45–51; Подобный В.В. Эволюция легитимности политической власти в постсоветской России: особенности, факторы, модели. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук. – М., 2016. – 186 с.

⁴⁷ См.: Глухова А., Рахманин В. Политическая конфликтология: учебное пособие. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 295 с.

⁴⁸ См.: Скиперских А.В. Легитимация и делегитимация постсоветских политических режимов. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. – 142 с.; Скиперских А.В. Механизмы легитимации политической власти на постсоветском пространстве. Автореферат дисс. на соиск. уч. степени д.полит.н. по специальности 23.00.02. – Воронеж, 2007.

особое значение для автора диссертации имели работы С.М. Маркедонова⁴⁹, А.А. Цуциева⁵⁰, В.А. Колосова, Дж. О'Лохлина, Дж. Тола⁵¹, В.А. Шнирельмана⁵², А.Г. Большакова, Р.Г. Галихужиной, Т.З. Мансурова, А.В. Иванова⁵³, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина, С.И. Кузиной, И.П. Чернобровкина, Л.Г. Швеца⁵⁴, О.Ю. Малиновой⁵⁵ и С.П. Поцелуева⁵⁶. Наконец, в выделении

⁴⁹ См.: Маркедонов С.М. Этнонациональный и религиозный фактор в общественно-политической жизни Кавказского региона. – М.: «МАКС Пресс», 2005. – 379 с.

⁵⁰ См.: Цуциев А.А. Территории проблемного суверенитета // Научные тетради Института Восточной Европы. Вып. 1. Непризнанные государства. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – С. 28–52.

⁵¹ См.: O'Loughlin J., Kolossov V., Toal G. Inside the post-Soviet de facto states: a comparison of attitudes in Abkhazia, Nagorny Karabakh, South Ossetia, and Transnistria // Eurasian Geography and Economics. – 2014. – Vol. 55. – No. 5. – Pp. 423–456.

⁵² См.: Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. – М.: ИКЦ «Академкнига», 2003. – 592 с.; Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 696 с.

⁵³ См.: Внешние и внутренние региональные конфликты в современном обществе: тенденции развития и возможности управления / под ред. А.Г. Большакова, Т.З. Мансурова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – 716 с.; Мансуров Т.З. Особенности интеграционных процессов между Россией и Абхазией / Т.З. Мансуров // Конфликты в социальной сфере: сборник материалов X Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2017. – С. 129–135; Mansurov T.Z., Tereshina E.A., Ivanov A.V., The process of normalization of russian-georgian relations: The limits and spheres of interaction between states // Journal of Organizational Culture, Communications and Conflict. – 2016. – Vol. 20. – Special Issue 2. – Pp. 114–119; Mansurov T.Z. The process of institutionalization of political identity in the South Caucasus amidst ethno-political tensions // Life Science Journal. – 2014. – Vol. 11. – Special Issue 10. – Pp. 412–416; Большаков А.Г., Мансуров Т.З. Процесс формирования и развития административно-государственных образований Южного Кавказа // Политическая экспертиза. – 2013. – № 3. – С. 5–23; Большаков А.Г. Силаева З.В. Феномен «спорных государств» в современной мировой политике: субъект влияния или инструмент глобальной игры // Политэкс. – 2012. – № 3. – С. 221–243; Большаков А.Г. Региональная идентичность на постсоветском пространстве: сравнительный анализ Центральной Азии и Южного Кавказа // Политическая идентичность и политика идентичности: очерки / под ред. О.И. Зазнаева; Казанский (Приволжский) федеральный университет. – Казань: Отечество, 2011. – С. 131–160; Большаков А.Г. Проблемная государственность в эпоху глобального кризиса национального суверенитета // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 186–189.

⁵⁴ См.: Понеделков А.В., Кузина С.И. Система внешних и внутренних угроз национальной безопасности России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2011. – № 3. – С. 106–113.; Кузина С.И., Понеделков А.В. Ценностное измерение политических процессов в современной России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 1. – С. 221–226; Кузина С.И., Понеделков А.В. Особенности трансформации гражданской идентичности в российском политическом процессе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2013. – № 1(23). – С. 103–108; Швеца Л.Г., Старостин А.М. Аннексионные и сепаратистские конфликты как угрозы национальной безопасности России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 3. – С. 240–243; Старостин А.М., Старостин А.А. Национально-государственная идентичность современного российского общества в контексте национальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2015. – № 8 (63). – С. 24–28; Понеделков А.В., Ревягина Н.Г., Старостин А.М. Элиты в постсоветской эволюции: факторы и условия // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2012. – № 1. – С. 123–131; Чернобровкин И.П. Критерии легитимности и эффективности нетрадиционного миротворчества // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 7. – С. 35–40.

⁵⁵ См.: Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 2. – С. 90–105; Малинова О.Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. – Вып. 1.: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 5–16; Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.

стратегий легитимации автор опирался на недавнее совместное исследование политик легитимации на постсоветском пространстве немецкими (Й. Аренс, М. Брусис, Ф. Бюргер, Ф. Буркхардт, Й. Граувогель, М.Ш. Вессель, А. Шпреде, К. Тимм, К. фон Зест, О. Цабирко), голландскими (А. Дель Сорди, Х.В. Хоен), австралийским (Л. Холмс), американским (М. Шпехлер) и казахстанским (А. Трочев) учеными⁵⁷.

Однако, несмотря на постоянный интерес исследователей к вопросам легитимности власти, а также на значительный массив литературы, посвященной этой теме, проблемы формирования стратегий и технологий легитимации власти в постсоветских де-факто государствах в контексте веберовской теории легитимности не становились предметом специального анализа. Данное обстоятельство обусловило выбор объекта, предмета и цели исследования.

Объектом исследования выступают непризнанные (частично признанные) международным сообществом постсоветские де-факто государства.

Предмет исследования – легитимация политической власти в постсоветских де-факто государствах.

Цель и задачи исследования. Основная цель диссертационного исследования – выявить стратегии и технологии легитимации политической власти в постсоветских де-факто государствах.

⁵⁶ См.: Поцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. Политические исследования. – 1999. – № 5. – С. 62–75; Поцелуев С.П. Символические средства политической идентичности. К анализу постсоветских случаев // Трансформация идентификационных структур в современной России. Сер. «Научные доклады». – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С. 106–159; Поцелуев С.П. Ритуализация конфликта (По материалам «рельсовой войны» 1998 г.) // Полис. Политические исследования. – 2004. – № 3. – С. 83–94; Поцелуев С.П. «Символическая политика»: к истории концепта // Символическая политика. Сборник научных трудов. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 17–53; Поцелуев С.П. Выбор государственной символики: бюрократические и политические решения // Философия права. – 2012. – № 4(53). – С. 39–43; Поцелуев С.П. «Нация» как незаконный и анонимный концепт (К вопросу о национальном строительстве в постсоветских государствах де-факто) // Философия права. – 2013. – № 6(61). – С. 90–94; Поцелуев С.П. Ритуал как средство управления политической агрессией: формы, стратегии, случаи // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. – 2014. – № 2. – С. 25–39.

⁵⁷ См.: Politics and Legitimacy in Post-Soviet Eurasia / Ed. by Joachim Ahrens, Martin Brusis, Martin Schulze Wessel. – Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016. – 251 p.

Для достижения заявленной в работе цели потребовалось решение следующих **задач**:

1. Критически проанализировать существующие подходы к анализу феномена де-факто государств, оценить их эвристический потенциал и уточнить понятие де-факто государства в теоретико-методологическом контексте диссертационной работы.

2. Рассмотреть основные подходы к изучению проблемы легитимности политической власти и на этой базе разработать методологию исследования процессов легитимации применительно к специфике постсоветских де-факто государств.

3. Эксплицировать основные причины и факторы делегитимации политической власти в постсоветских де-факто государствах.

4. На основе анализа процессов делегитимации власти в постсоветских де-факто государствах определить причины сохранения лояльности населения к политическому образованию в условиях кризиса легитимности власти.

5. Выявить основные стратегии и технологии легитимации политической власти в постсоветских де-факто государствах.

6. Сформулировать предложения по оптимизации стратегий и технологий легитимации власти в Республике Абхазия, Республике Южная Осетия, Нагорно-Карабахской Республике и Приднестровской Молдавской Республике.

Гипотеза исследования. Отсутствие международного признания ограничивает для де-факто государства возможности использования трех из шести ключевых стратегий самолегитимации: международное участие, представление (перформанс) и процедурные демократические механизмы. Одним из следствий неполноценного международного статуса де-факто государства является сужение пространства международных торговых связей и, как следствие, уменьшение возможностей для развития собственной социально-экономической сферы; это сокращает возможности самолегитимации власти посредством презентации собственной эффективности в улучшении условий

жизни граждан; перманентный кризис в указанной сфере, во-первых, усиливает позиции государства-покровителя, из собственных средств поддерживающего де-факто государство и, во-вторых, повышает значимость в политике персоналистского фактора, что негативно сказывается на развитии процедурных демократических механизмов. Все это усиливается действием фактора враждебности родительского государства, что также сказывается негативно на становлении демократических институтов, делая востребованными авторитарных политических лидеров в экстраординарных условиях полувоенной мобилизации общества. Кроме того, слабое развитие демократических процедур отдаляет перспективу признания де-факто государства на международной арене. Поэтому элиты и лидеры указанных государств вынуждены активнее использовать идеологический, мифологический и персоналистский стратегии самолегитимации посредством эксплуатации символической (в том числе – мемориальной) политики.

Теоретико-методологические основы диссертационного исследования соединяет в себе следующие элементы:

- концепцию де-факто государства С. Пегга, с уточнениями Д. Линча и Б. Бартмана; указанная концепция де-факто государства конкретизируется в контексте веберовского понимания государства в его связи с понятием легитимного порядка;

- концепцию легитимности М. Вебера, с уточнениями Д. Битэма, Ю. Хабермаса, В.П. Макаренко и А.В. Лубского;

- концепцию криминализации непризнанных государств В. Колосова и Дж. О'Лохлина;

- концепцию шести измерений стратегий легитимизации власти на постсоветском пространстве (Й. Аренс, М. Брусис, Ф. Бюргер и др);

- концепцию символической политики (С.П. Поцелуев, О.Ю. Малинова);

- концепцию «войн памяти» В.А. Шнирельмана;

- методологию Case study.

В основу отбора кейсов легли принципы метода перекрестных отклоняющихся кейсов Джона Герринга.

Эмпирическая база исследования, помимо классической и современной научной литературы, стали нормативная база, регулирующая общественные отношения и государственные институты в Республике Абхазия, Республике Южная Осетия, Приднестровской Молдавской Республике и Нагорно-Карабахской Республике; интервью и заявления официальных лиц государств; фото- и видеоматериалы СМИ; статистические данные по перечисленным республикам; исторические первоисточники; ряд социологических опросов общественного мнения, проведенных различными социологическими службами; личные наблюдения.

Научная новизна результатов исследования состоит в следующем:

- определены теоретические и практические ограничения существующих подходов к исследованию феномена де-факто государств, предложено уточненное определение данного феномена и его критерии;

- выявлен эвристический потенциал концепции легитимности М. Вебера, с уточнениями Д. Битэма, Ю. Хабермаса, В.П. Макаренко и А.В. Лубского, в анализе процессов легитимации политической власти де-факто государств;

- на эмпирическом материале Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, Приднестровской Молдавской Республики и Нагорно-Карабахской Республики выявлены ключевые причины и факторы делегитимации власти в де-факто государствах: коррупция, nepотизм, высокий уровень преступности, клановый характер правления, неразвитость механизмов передачи власти, низкое доверие к прозрачности выборов, низкий уровень экономического и социального развития, доминирование в управлении неформальных институтов, нерешенные конфликты с «материнскими государствами», неопределенность отношений с «государством-покровителем»;

- введено понятие стратегической легитимности де-факто государства как его способность сохранять поддержку населением общего направления и целей

развития, несмотря на текущие сложности социально-экономического и политического плана;

- на эмпирическом материале Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, Приднестровской Молдавской Республики и Нагорно-Карабахской Республики выявлены основные стратегии легитимации политической власти в постсоветских де-факто государствах: апелляция к значимости государства на международной арене (включая отношения с «государством-покровителем»), представление (перформанс) результатов деятельности правительства в положительном свете, имитация или реальное развитие процедурных демократических механизмов, идеологическое обоснование, апелляция к основополагающему мифу, персональные качества (харизма);

- на том же материале выявлены основные технологии легитимации политической власти в постсоветских де-факто государствах: налаживание связей с другими непризнанными государствами, а также с «государством-покровителем» с целью повышения собственной значимости на международной арене, создание мифологизированных образов политических лидеров (Героя-Спасителя, Отца Нации, Симпатяги и т. д.), демонстративно четкое соблюдение формальных демократических процедур, идеологизация исторического нарратива посредством акцентирования истории этноса, языка и территории, трансляция особого видения исторического прошлого в школьных учебниках, создание палингенетических идеологем, «войны памяти», апелляция к древней истории, создание мифа «золотого века»;

- сформулированы предложения по оптимизации стратегий и технологий легитимации власти в Республике Абхазия, Республике Южная Осетия, Нагорно-Карабахской Республике и Приднестровской Молдавской Республике.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

1. Критический анализ основных подходов к исследованию феномена де-факто государств продемонстрировал, что большинство существующих подходов сильно идеологизированы и фактически воспроизводят

нормативистскую логику, заложенную в давно утратившей актуальность в современном мире Концепции Монтевидео «О правах и обязанностях государств» (1933 г.). В таком теоретическом контексте де-факто государство рассматривается не как самостоятельный феномен реальности, а в качестве «неполноценной версии» некоего эталона «идеального» государства. Как следствие, в современной международной системе получила широкое распространение коллизия: существует целый ряд признанных международным сообществом, но не способных выполнять элементарные государственные функции «несостоятельных государств» (“failed state”, “fragile state”), и при этом не могут получить международного признания государства, способные не только эффективно выполнять ключевые функции, вступать в отношения с другими государствами, контролировать территорию, население и иметь правительство (С. Пегг), но и устанавливать и успешно поддерживать легитимные порядки (М. Вебер). Как показано в данной диссертационной работе, уточненное Д. Линчем и Б. Бартманом и конкретизированное в контексте веберовского подхода определение де-факто государства, предложенное С. Пеггом, обладает бóльшим эвристическим потенциалом для объяснения происходящих процессов в исследуемом феномене.

2. Для анализа стратегий и технологий легитимации постсоветских де-факто государств наиболее оптимальным является ряд понятий веберовской концепции легитимности, с уточнениями Д. Битэма, Ю. Хабермаса, В.П. Макаренко и А.В. Лубского: понятие легитимных порядков и их значимости для индивида, дистинкции нормативного порядка и представлений индивида о его значимости, легальности и легитимности. Нормативистские подходы к де-факто государствам исходят из того, что наивысшим легитимным порядком, на который ориентируются политики и население де-факто государств, является нормативный порядок международной системы. В то время как на самом деле в указанном порядке заложена идея легальности, а не легитимности, и в своих действиях индивиды могут исходить из представлений

о существовании гораздо более глубинного уровня легитимности – стратегического, на котором определяется, насколько справедливым и верным является общая ориентация развития политического образования с точки зрения высших ценностей, а не международной целесообразности. Указанные ценности, в свою очередь, определяются представлениями об историческом прошлом страны, конфликтными взаимоотношениями с «родительским государством», перспективами взаимоотношений с «государством-покровителем» и т. д. Именно на этом уровне определяется, готов ли индивид связать свою судьбу с политическим новообразованием, несмотря на международные, политические, социально-экономические, бытовые и проч. проблемы; или же он намерен разорвать эту связь и эмигрировать из страны. Глубинный уровень легитимности может вступать в противоречия с более поверхностными уровнями: индивида может не устраивать существующая система политических институтов, политический режим, политические элиты и лидеры. Наиболее распространенные интерпретации веберовской концепции легитимности исходили из достаточности «молчаливого согласия» населения с существующим положением дел, поэтому не видели в указанном противоречии проблемы. Установки же самого М. Вебера, которые высвечиваются в процессе анализа его критики со стороны Д. Битэма, Ю. Хабермаса, В.П. Макаренко, А.В. Лубского и др., позволяют увидеть в этом противоречии возможности и пределы эксплуатации власть предержащими стратегического уровня легитимности для достижения сиюминутных целей.

3. Применительно к феномену де-факто государств изложенные выше положения раскрываются в процессе анализа кризисов легитимности в указанных политических образованиях. Была установлена связь делегитимации власти и последующего разрыва (сецессии) с кризисом глубинного уровня легитимности, формируемого представлениями об общей исторической судьбе народа и его взаимоотношениях с представителями других этносов. И наоборот, несмотря на периодически возникающие кризисы легитимности конкретных

государственных институтов и/или персон в де-факто государствах, чему способствуют такие факторы, как коррупция, nepoтизм, высокий уровень преступности, клановые формы правления, неразвитость механизмов передачи власти и т. д., на глубинном уровне население в массе своей сохраняет лояльность к государству.

4. Этот эффект не может не учитываться политиками при выстраивании стратегий самолегитимации. Существует шесть ключевых стратегий самолегитимации: международное участие, представление (перформанс) результатов своей деятельности в положительном свете, процедурные демократические механизмы, идеология, основополагающий миф и персональные качества (харизма). Само положение де-факто государств сокращает возможности политических элит в легитимации своего права на власть посредством апелляции к значимости политического образования на международной арене; перманентный кризис в социально-экономической сфере – апелляции к перформансу; сложности в построении демократических институтов уменьшают легитимирующую силу этой стратегии. Тем не менее, существуют определенные технологии имитации трех перечисленных стратегий, которые используются политиками де-факто государств. В плане международного участия происходит переориентация на региональный уровень, в котором доминирует региональная держава: активно налаживаются связи с аналогичными непризнанными государствами либо с государствами, находящимися в сфере влияния государства-покровителя. В представлении результатов собственной деятельности активно используются ресурсы сети Интернет и СМИ, в которых продвигается идея эффективности лидера. Параллельно выстраиваются ритуалы «полноценного государства» с посольствами, официальными визитами и проч. Наконец, все четыре рассмотренных примера стремятся к демонстративно четкому соблюдению формальных демократических процедур, независимо от степени их имитационного характера.

5. Однако перечисленные стратегии хотя и не могут полностью игнорироваться властью предержащими в рассматриваемых республиках, не являются, тем не менее, сильным местом в практиках самолегитимации: значимость государства на международной арене очень трудно имитировать. Еще труднее внушить населению де-факто государств, что повышается уровень материального благосостояния и социального обеспечения, если такового не происходит в реальности. Наконец, систематические фальсификации на выборах очень трудно скрывать в маленькой стране, каковыми являются все четыре рассматриваемых примера. Именно по этой причине систематически происходят кризисы легитимности институционального уровня власти, а тем более – персонифицированного.

6. Совсем иначе обстоит дело с тремя другими стратегиями, в реализации которых политики постсоветских де-факто государств более чем успешны: идеологического, мифологического и персоналистского. Успех в реализации этих стратегий достигается с помощью символической (и, прежде всего, мемориальной) политики: посредством реинтерпретации истории обосновывается право на контролируемую территорию, на собственное государство и т. д. Технологически для этого используются не только ресурсы СМИ и сети Интернет (например, посредством создания сайтов библиотек с тщательно отобранной литературой), но и околонучные дискуссии на исторические темы, социологические опросы, наконец, школьные учебники, в которых закладывается определенное видение исторического прошлого. Создается определенная мифология, включающая мифы о зарождении, мифы о золотом веке, угрозе полного уничтожения и палингенетические мифы; эта мифология связывает прошлое, настоящее и будущее, с обязательной ссылкой на связь нынешней власти с героями мифов. Активно используются памятники и памятные места, музеи. Именно использование перечисленных стратегий и технологий самолегитимации позволяет воздействовать на наиболее глубокий уровень легитимности – уровень «мы» и «наше» и сохранять дееспособность

де-факто государства, несмотря на систематические кризисы легитимности политических институтов и персон.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретико-методологическая значимость диссертации заключается в уточнении концепции легитимности М. Вебера применительно к анализу де-факто государств, а также в выявлении стратегий и технологий легитимации власти в указанных государствах. Проведенное исследование закладывает теоретическую базу для дальнейшего изучения феномена легитимности политической власти в де-факто государствах, поскольку традиционные подходы не способны «схватить» специфику проблем легитимации власти в указанных политических образованиях в условиях перманентного кризиса.

В работе также сформулированы практические рекомендации по оптимизации стратегий и технологий легитимации власти в Республике Абхазия, Республике Южная Осетия, Нагорно-Карабахской Республике и Приднестровской Молдавской Республике. Отдельные положения диссертационного исследования, в частности, критический анализ методологии Case study, экспликация факторов делегитимации политической власти, описание технологий использования символической (мемориальной) политики в процессе самолегитимации власти в де-факто государствах и др., могут быть полезны в учебных программах по политологии и смежным с ней дисциплинам.

Соответствие паспорту научной специальности. Объект данной диссертационной работы относится к сфере исследования сущностных, институциональных, процессуальных и технологических аспектов политического пространства, характеризующих основных субъектов политического процесса в современных условиях. Из областей исследований, отвечающих специальности 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, данной диссертационной работе наиболее близки следующие:

№ 1 «Социальные основания и ресурсы политической власти. Модели организации политической власти и властных взаимоотношений. Политическая

власть и политическое управление, современные измерения инновационной политики. Развитие современных властных технологий и задачи демократического контроля»;

№ 2 «Природа и функции государства. Типы и формы государства и государственной власти. Государственная система. Государство и гражданское общество. Государственная политика и управление. Виды государственной политики»;

№ 3 «Влияние политических режимов на политический процесс. Переходные режимы: современные дискуссии»;

№ 6 «Особенности и механизмы формирования общественного мнения в политике»;

№ 9 «Цивилизационные и национальные стили развития политических процессов. Принципы и механизмы взаимодействия общеисторических императивов и требований отечественной традиции в политическом развитии общества».

Апробация и реализация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационной работы изложены на следующих международных и региональных научно-практических конференциях:

- Тлостнаков А.А. Культурная легитимация политической власти в государствах де-факто // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: Материалы международной научно-практической конференции (Пятигорск, 18–20 октября 2017 г.). – Ставрополь-Пятигорск: Издательство ПГУ, 2017. – С. 50–53.

- Тлостнаков А.А. Технологическое конструирование патриотизма в среде российской молодежи // Антиэкстремистская и антикоррупционная деятельность правоохранительных органов, субъектов государственной власти и местного самоуправления на Юге России (Материалы Международной научно-практической конференции 29–30 ноября 2011 г.). Часть 2, Ростов-на-Дону, 2012г. – С. 55–62.

- Tlostnakov A.A. Avrasya'daki entegrasyon süreçleri bağlamında Kafkasya devletlerinin de-facto durumu (Государства де-факто Южного Кавказа в интеграционных процессах в Евразии) // Выступление на круглом столе «Avrasya Bölgesinde Entegrasyon Projeleri: Rusya ve Türkiye Değerlendirmesi» (6 декабря 2017 г., г. Анкара, Турция).

- Тлостнаков А.А. Специфика легитимации власти в государствах де-факто // Доклад на I Международном конгрессе кавказоведов (14–16 ноября 2017 г., г. Ростов-на-Дону).

Диссертационная работа допущена к защите по итогам обсуждения на заседании кафедры теоретической и прикладной политологии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

Результаты исследования и теоретические обобщения отражены в 10 публикациях общим объемом 4 п. л., в том числе в 5 статьях, опубликованных в периодических научных изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией РФ.

Структура диссертации определяется задачами и логикой исследования и состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения и библиографического списка.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **«Введении»** обоснована актуальность темы диссертации, определены ее цель и задачи, объект и предмет, проанализирована степень научной разработанности проблемы в научной литературе, представлены теоретико-методологические основы исследования. Кроме того, изложены положения, выносимые на защиту, раскрыта научная новизна, а также теоретическая и практическая значимость результатов диссертационного исследования.

В первой главе «Теоретико-методологические аспекты исследования легитимации власти в де-факто государствах» представлены теоретические основы диссертации, разработана методология анализа проблем легитимации политической власти в де-факто государствах.

В первом параграфе **«Де-факто государство: проблема определения»** критически проанализированы основные подходы к определению де-факто государства. В частности, рассмотрены такие трактовки исследуемого феномена, как «непризнанное государство», «квазигосударство», «псевдогосударство», «де-факто государство», «отошедшая территория», «сепаратистское государство», «спорное государство», «государственно-подобное образование» и др., выявлен их эвристический потенциал и методологические ограничения. Особое внимание уделено критике определения суверенного государства и критериев его признания, сформулированных в Конвенции Монтевидео «О правах и обязанностях государств», показана концептуальная двусмысленность этого определения и его практическая конфликтность. Приняв за основу классическое определение де-факто государства, сформулированное С. Пеггом, автор диссертации при описании критериев данного феномена предлагает учитывать более поздние исследования Д. Линча, Б. Бартмана, В. Колосова, Дж. О'Лохлина и др. В результате к числу критериев де-факто государства отнесены следующие: - территория; - население; - правительство; - способность к сношениям с другими государствами; - отсутствие международного

признания; - наличие общественной поддержки со стороны населения (легитимность); - успешное существование достаточно длительное время (как минимум, два года с момента провозглашения независимости); - стремление к международному признанию в качестве «полноценного» государства.

Во втором параграфе **«Методология исследования де-факто государств»** внимание сфокусировано на выборе метода исследования рассматриваемого феномена. Проанализировав основные подходы к изучению де-факто государств, автор делает вывод, что наиболее перспективным и чаще других используемым методом является Case study. Несмотря на некоторые ограничения (описанные, в частности, Ч. Рагиным), данный метод имеет ключевое преимущество, которое состоит в сочетании широкого использования количественных данных с достаточной гибкостью, позволяющей исследователю формулировать нетривиальные гипотезы. Методологический выбор автор диссертации останавливает на методе «перекрестных кейсов» Дж. Герринга, и в соответствии с требованиями данного метода, обосновывает выбор четырех кейсов для дальнейшего анализа: Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, Нагорно-Карабахской Республики и Приднестровской Молдавской Республики.

В третьем параграфе **«Теоретические основания изучения легитимности власти в де-факто государствах»** рассмотрены основные подходы к исследованию проблемы легитимности власти. Особое внимание уделено веберовской концепции, а также ее критикам. На основе проведенного критического анализа показано, что концепция легитимности М. Вебера не утратила своей актуальности, и с уточнениями, предложенными Д. Битэмом, Ю. Хабермасом, В.П. Макаренко, А.В. Лубским, обладает большим эвристическим потенциалом при изучении процессов легитимации/делегитимации власти в де-факто государствах. Адаптация к исследуемой проблематике веберовского понятия легитимных порядков, дистинкции нормативного порядка и представлений индивида о его значимости,

легальности и легитимности, а также ряда других, позволила преодолеть нормативистский подход к де-факто государствам и добавить к списку их критериев способность устанавливать и успешно поддерживать легитимные порядки. В связи с этим дополнением вводится понятие стратегической легитимации, описывающее самый глубинный уровень легитимности, на котором определяется, насколько справедливым и верным является общая ориентация развития политического образования с точки зрения высших ценностей, а не международной целесообразности.

Таким образом, в первой главе был подготовлен весь необходимый для анализа проблем легитимации политической власти в де-факто государствах методологический инструментарий.

Во второй главе **«Стратегии и технологии легитимации политической власти в постсоветских де-факто государствах»** представлены результаты применения описанной в первой главе методологии к анализу проблем легитимности политической власти в четырех выбранных кейсах.

Первый параграф второй главы **«Кризисы легитимности в постсоветских де-факто государствах»** посвящен эмпирическому анализу причин и факторов делегитимации политической власти в де-факто государствах. Обращаясь к истории образования (посредством сецессии из «родительского государства») каждого из четырех рассмотренных кейсов, автор диссертации выявляет связь делегитимации власти и последующей сецессии с кризисом стратегической легитимности, формируемой представлениями о правильности и справедливости общего вектора развития государства, исторической судьбе народа и его взаимоотношениях с представителями других этносов. Здесь же показана и обратная сторона этого процесса: несмотря на систематически сотрясающие политические новообразования кризисы, во всех изученных кейсах население, в целом, сохраняет лояльность своему государству, если считает правильным стратегическое направление его развития. Тем самым

возникает противоречие между легитимностью конкретных лидеров и элит, и общей стратегией легитимности государственной власти.

Анализу попыток преодоления элитами этого противоречия посвящены второй и третий параграфы второй главы. Во втором параграфе **«Стратегии политической легитимации в де-факто государствах»** рассмотрены основные стратегии преодоления кризисов легитимности. Опираясь на исследование политик легитимации на постсоветском пространстве, проведенное немецкими, голландскими, австралийским, американским и казахстанским учеными (Й. Аренс, М. Брусис, Ф. Бюргер, А. Дель Сорди, Х.В. Хоен и др.), автор диссертации выделяет шесть ключевых стратегий самолегитимации: международное участие, представление (перформанс) результатов своей деятельности в положительном свете, процедурные демократические механизмы, идеология, основополагающий миф и персональные качества (харизма). Как показано в данном параграфе, отсутствие международного признания, сложное социально-экономическое положение и незавершенность демократических институтов ограничивают элиты де-факто государств в использовании первых трех стратегий, вынуждая более активно прибегать к идеологической, мифологической и персоналистской стратегиям.

Анализу конкретных средств и способов реализации шести обозначенных стратегий легитимации посвящен третий параграф **«Технологии политической легитимации в де-факто государствах»**. Как показано в данном параграфе, в идеологической стратегии используется идеологизация исторического нарратива посредством акцентирования истории этноса, языка и территории или общего исторического прошлого с «государством-покровителем», трансляция особого видения исторического прошлого в школьных учебниках, создание палингенетических идеологем и др. В стратегии мифологизации используются технологии, получившие название «политики памяти», или «войны памяти»; апелляция к древней истории; создание мифов «рождения», «упадка», «золотого века» и др. Персоналистская стратегия предполагает

использование образов Героя-Спасителя, Отца Нации, Симпатяги и др. Менее успешны элиты в реализации трех других стратегий, однако это не означает полного отказа от них. К технологиям международной стратегии легитимации относятся налаживание связей с аналогичными непризнанными государствами, переориентация на региональный уровень международной системы, апелляция к «государству-покровителю». Стратегия перформанса предполагает выстраивание ритуалов «полноценного государства» – посольств, официальных визитов и проч. Наконец, во всех четырех рассмотренных кейсах элиты стремятся к демонстративно четкому соблюдению формальных демократических процедур.

Таким образом, во второй главе диссертационного исследования успешно выявлены стратегии и технологии легитимации власти в де-факто государствах, что позволило предложить ряд рекомендаций по оптимизации этих стратегий и технологий.

В **«Заключении»** диссертации подводятся итоги изучения проблемы, обобщаются выводы, определяются перспективы дальнейшего исследования проблем легитимности власти в де-факто государствах.

III. ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Тлостнаков А.А.* Репатриация черкесов: истоки, проблемы, перспективы // *Философия права.* – 2013. – № 2. – С. 130–133.

2. *Тлостнаков А.А.* Переименование Южной Осетии в Государство Алания: символические аспекты в контексте легитимации политической власти в государствах де-факто // *Вестник Пятигорского государственного университета.* – 2017. – № 2. – С. 170–173.

3. *Тлостнаков А.А.* Стратегии легитимации власти в государствах де-факто // *Современная наука и инновации.* – 2017. – № 4 (20). – С. 337–343.

4. *Тлостнаков А.А.* Внешнеполитическая легитимация политической власти в государствах де-факто // *Право и политика.* – 2017. – № 11. – С. 53–60.

5. *Тлостнаков А.А.* Стратегии политической легитимации в постсоветских государствах де-факто // *Политика и Общество.* – 2018. – № 8. – С. 14–21.

Публикации в иных изданиях

6. *Тлостнаков А.А.* Технологическое конструирование патриотизма в среде российской молодежи // *Антиэкстремистская и антикоррупционная деятельность правоохранительных органов, субъектов государственной власти и местного самоуправления на Юге России (Материалы Международной научно-практической конференции 29–30 ноября 2011 г.). Часть 2.* – Ростов-на-Дону, 2012.

7. *Тлостнаков А.А.* Черкесская диаспора в Турции: генезис и современное состояние // *Современные проблемы политологии и международных отношений: сборник научных статей молодых ученых / под общ. науч. ред. С.В. Ануфриенко;*

Пятигорский государственный лингвистический университет; Ереванский государственный университет. – Ставрополь: Ставролит. – 2013. – С. 158–167.

8. *Глостнаков А.А.* Территории с неустойчивой государственностью как элемент современной архитектуры мира // Крым и Донбасс: год после государственного переворота на Украине. Отв. ред. В.В. Черноус / Южнороссийское обозрение ЦРИ ИСИР ЮФУ. Вып. 88. – Москва-Ростов-на-Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2015. – С. 163–170.

9. *Глостнаков А.А.* Культурная легитимация политической власти в государствах де-факто // Историческая память и культурные символы национальной идентичности: Материалы международной научно-практической конференции (Пятигорск, 18–20 октября 2017 г.). – Ставрополь-Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2017. – С. 50–53.

10. *Глостнаков А.А.* Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах в контексте интеграционных процессов в Евразии // Путь в науку. Материалы Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Фонд науки и образования». – 2018. – С. 917–920.

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»

Тлостнаков Аскер Асланович

**СТРАТЕГИИ И ТЕХНОЛОГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ В ДЕ-ФАКТО ГОСУДАРСТВАХ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Специальность 23.00.02 – политические институты, процессы и технологии
(политические науки)

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент С.П. Поцелуев

Подписано в печать ____ 2018. Печать цифровая.
Формат 60x84 1/16. Усл.-изд. л. _____. Тираж ____ экз. Заказ № _____.
Типография
(_____)